

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лет сорок тому назад в одном графстве жил весьма почтенный юрист по вопросам земли и недвижимости — мистер Уилкинс.

Графство было невелико: в главном городе, Хэмли, насчитывалось около четырех тысяч жителей, и, таким образом, положение самого видного юриста Хэмли — не бог весть какая репутация, если не прибавить к этому, что мистер Уилкинс единолично оказывал юридические услуги всем окрестным землевладельцам в радиусе двадцати миль. Соответствующей клиентурой оброс еще его дед; отец упрочил и углубил полезные связи: его дальновидные советы и безукоризненная честность, не говоря о совершенном знании своего дела, возвели его в ранг доверенного лица и надежного друга многих родовитых семейств. Он запросто навещался в усадьбы (о чем ни один законник «из простых» до него не смел и мечтать) и бывал зван к обеду — правда, всегда один, без жены. Иногда он как бы случайно подъезжал верхом к месту сбора на псовую охоту, экипированный не хуже любого сквайра, и после долгих уговоров (сперва для виду отнекиваясь, мол, «дела не ждут» и «нужно спешить в контору») соглашался принять участие в травле; пару раз он так увлекся, что, вопреки

своему обыкновению, забыл про осторожность — первым подоспел к убитой дичи и вернулся домой с трофеем. Но в целом Уилкинс знал свое место и чтит правила, принятые в тогдашней аристократической среде. Из этого ни в коем случае не следует, что он пресмыкался перед вышестоящими, отнюдь: он слишком уважал себя. Если требовалось, он без колебаний рекомендовал крайне неприятный для клиента выход из затруднительной ситуации: транжире предписывал безжалостное сокращение расходов, кичливому отцу семейства советовал умерить гордыню и не препятствовать счастливому браку детей; иногда он даже вступался за несправедливо притесняемого арендатора, что по тем временам было неслыханно и могло рассорить его с влиятельной персоной. В любых обстоятельствах он сохранял выдержку, такт, мудрость и доброжелательство — и потому нередко достигал своей цели.

У этого Уилкинса был единственный сын, Эдвард, — тайная радость и гордость отцовского сердца. И хотя на свой собственный счет Уилкинс никогда не строил амбициозных планов, ему тяжело далось признание того факта, что его юридическая практика слишком прибыльна и доход от нее слишком весом, чтобы передать ее в чужие руки, а именно этого требовали от него честолюбивые мечты дать сыну университетское образование, которое открыло бы перед юношей карьеру судебного адвоката. Решение в пользу практической целесообразности было принято, когда Эдвард учился в Итоне. Юный Уилкинс привык к тому, что кар-

манных денег у него поболее, чем у любого из его школьных товарищей, и свое образование рассчитывал продолжить в оксфордском колледже Крайст-Чёрч вместе с отпрысками сквайров, которым его отец оказывал юридические услуги. Узнав, что судьба его переменилась, юноша испытал жестокое разочарование: легко ли вернуться в Хэмли и довольствоваться ролью помощника отца, смириться с написанным ему на роду подчиненным положением, то есть вечно обслуживать тех, кто еще недавно уступал ему и в спорте, и в учебе!

Отец старался смягчить удар всеми способами, какие доступны за деньги. Лошади у Эдварда были чуть ли не лучше, чем у его отца; его любовь к литературе всемерно поощрялась — отец позволил ему создать обширную библиотеку, для которой к просторному дому мистера Уилкинса близ Хэмли пристроили отдельное помещение самых элегантных пропорций. А по завершении им годичного курса юриспруденции в Лондоне отец отправил его в большое путешествие по Европе, фактически не ограничив в расходах, если судить по многочисленным посылкам, доставляемым в Хэмли с разных концов Европейского континента.

И вот он вернулся домой — вернулся в провинциальный Хэмли в качестве делового партнера отца. Таким сыном всякий может гордиться, и мистера Уилкинса распирало от гордости за своего красивого, прекрасно воспитанного, благородного в истинном смысле слова мальчика. Ибо Эдвард не принадлежал к числу молодых баловней судьбы, кого чрезмерная родительская щедрость способна

только испортить; если его характер и пострадал, это никак не проявлялось (по крайней мере, тогда). Он не имел склонности к низким порокам и, пожалуй, был слишком хорош для общества, с которым ему предстояло столкнуться, даже если бы это общество ограничилось лишь верхушкой клиентуры его отца. Он разбирался в литературе и делал успехи в живописи. Но главное, как любил повторять его отец, — у мальчика сердце было на месте: невозможно представить большей сыновней почтительности, чем та, какую неизменно выказывал ему Эдвард. (Матушка Эдварда давно покоилась в могиле.)

Не знаю, что побудило Эдварда посещать ассамблеи в Хэмли — собственные честолюбивые устремления или покорность воле отца, свято верившего, что его сын достоин самого лучшего. Рискну предположить второе: Эдвард, с его безупречным вкусом, не стал бы навязываться обществу — любому обществу. А по единодушному мнению жителей графства, никакое общество на свете не могло с большим основанием считать себя избранным, чем то, которое каждый месяц при полной луне собиралось в Хэмли, в зале ассамблеи — уродливом наросте на здании главной городской гостиницы, возникшем вследствие пожертвований по подписке, распространенной среди благородных семейств графства. Простым горожанам в сие заповедное место вход был заказан; образованные люди, жившие своим трудом, никогда не переступали его порога; ни один пехотный офицер не видел своими глазами ни тамошней бальной залы, ни комнаты для игры в карты. В прежние времена

отцы-основатели местного благородного собрания пожелали бы убедиться в чистоте крови и безупречности титула всякого нового члена, прежде чем позволить ему отвесить поклон «королеве вечера»; но отцы-основатели один за другим удалялись со сцены, а с ними вместе ушли менуэты и контрдансы. Нынче в моде была кадриль, и коекто из магнатов графства даже попытался приобщить почтенную публику к вальсу под впечатлением от увиденного в Лондоне, куда этот танец завезли представители союзных держав¹. Тогда-то и состоялся дебют Эдварда Уилкинса на distinguished паркетe ассамблеи. За границей молодой человек посещал множество блестящих балов, тем не менее маленький бальный зал, пристроенный к георгианской² гостинице в его родном городке, внушал ему робость и благоговение, каких он не испытывал в роскошных салонах Парижа и Рима. Он сам смеялся над своим безрассудным страхом, однако не в силах был побороть его.

Иногда Эдвард обедал в доме одного мелкопоместного дворянина, многим обязанного его отцу; к тому же у джентльмена было восемь дочек, одна страшнее другой, так что он не стал строить из себя неприступного аристократа в ответ на вполне откровенную просьбу Уилкинса-старшего ввести Эдварда в высший свет Хэмли, воспользовавшись

---

¹ Имеется в виду антифранцузская коалиция европейских государств, объединившихся в военно-политический союз для борьбы с Наполеоном (1812–1815).

² Георгианский стиль в архитектуре (XVIII в.) — по имени четырех британских королей, правивших один за другим и носивших имя Георг.

ближайшей ассамблеей. Однако многие сквайры, судя по их недовольному виду и грозным взорам, в штыки приняли неожиданное появление сына какого-то там крючкотвора в своем священном чертоге, и, возможно, ассамблея доставила бы молодому Уилкинсу больше огорчений, чем радости, если бы не счастливый случай. Раз в сезон ассамблею в Хэмли удостаивал своим присутствием лорд-лейтенант графства, как правило в сопровождении большой свиты. В тот вечер, о котором идет речь, он обещал привезти в Хэмли великосветскую даму — герцогиню, ни больше ни меньше! — с дочерьми. Но время шло, а важных гостей все не было. Наконец почтенное общество всколыхнулось, встрепенулось, и в распахнутые двери вплыла великолепная компания. Танцы прервались, граф препроводил герцогиню к банкетке, какие-то их знакомые из числа присутствующих потянулись к ним напомнить о себе, и только после этого прерванная кадриль завершилась — довольно формально и скомканно. Затем объявили контрданс, к которому никто из компании лорд-лейтенанта не проявил интереса. Последовали какие-то переговоры с распорядителем, быстрый осмотр танцоров, команда музыкантам — и оркестр заиграл вальс. Дочери герцогини сорвались с места навстречу музыке, их готовы были поддержать некоторые молодые леди из местных, но увы! — обнаружилась досадная нехватка кавалеров, знакомых с новым танцем. И тут один из распорядителей бала вспомнил об Уилкинсе-младшем, недавно вернувшемся с континента. Эдвард был прирожденный

танцор и вальсировал просто волшебным образом. Следующий тур он танцевал уже с дочерью герцогини, ибо ее высокородная мать, далекая от мелких козней и чванства провинциальных дворян, не видела ни малейшей причины лишать свою прелестную леди Софию элегантного партнера, независимо от его знатности, и потому попросила распорядителя поскорее представить ей молодого человека. С того вечера Эдвард стал любимцем юных дам на ассамблеях в Хэмли. Их матери отнеслись к нему благожелательно, однако твердолобые сквайры по-прежнему косились на него, а их молодые наследники (те, что в Итоне уступали ему по всем статьям) за спиной называли его выскочкой.